

Предисловіе.

Выраженію *коллективная психологія* или *соціальная психологія* часто придаютъ фантастическій смыслъ, отъ котораго прежде всего необходимо освободиться. Онъ заключается въ томъ, что мы представляемъ себѣ *коллективный умъ*, *коллективное сознание*, какъ особое *мы*, которое будто бы существуетъ внѣ или выше индивидуальныхъ умовъ. Нѣтъ надобности въ такой точкѣ зрѣнія, въ такомъ мистическомъ пониманіи, для того чтобы совершенно отчетливо провести грань между обыкновенной психологіей и психологіей соціальной, которую мы скорѣе назвали бы интерспиритуальной. Въ самомъ дѣлѣ, первая касается отношеній ума ко всей совокупности другихъ внѣшнихъ предметовъ, вторая изучаетъ или должна изучать взаимныя отношенія умовъ, ихъ вліянія: одностороннія или взаимныя, — одностороннія сначала, взаимныя потомъ. Между первой и второй существуетъ такимъ образомъ то различіе, которое существуетъ между родомъ и видомъ. Но видъ въ этомъ случаѣ имѣетъ характеръ столь важный и столь исключительный, что его необходимо выдѣлить изъ рода и трактовать при помощи методовъ, специально ему свойственныхъ.

Отдѣльные этюды, которые найдетъ здѣсь читатель, представляютъ собою фрагменты этой обширной области коллективной психологіи. Ихъ соединяетъ тѣсная связь. Пришлось перепечатать здѣсь, съ цѣлью опредѣлить его настоящее мѣсто, этюдъ о *толпахъ*, составляющій прибавленіе въ концѣ книги. Въ самомъ дѣлѣ, *публика*, которая составляетъ спеціальныи главный предметъ настоящаго изслѣдованія, есть не что иное, какъ

разсѣянная толпа, въ которой вліяніе умовъ другъ на друга стало дѣйствіемъ на разстояніи, на разстояніяхъ, все возрастающихъ. Наконецъ, *мнѣніе*, являющееся результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій на разстояніи или при личномъ соприкосновеніи, составляетъ для толпы и публики нѣчто въ родѣ того, что мысль составляетъ для тѣла. И если среди этихъ дѣйствій, въ результатѣ которыхъ является мнѣніе, мы станемъ искать самаго общаго и постояннаго, то безъ труда убѣдимся, что таковымъ является *разговоръ*, элементарное, социальное отношеніе, совершенно забытое социологами.

Полная исторія разговора у всѣхъ народовъ во все времена была бы въ высшей степени интереснымъ документомъ социального знанія; и если бы всѣ трудности, которыя представляетъ этотъ вопросъ, удалось побѣдить съ помощью коллективной работы многочисленныхъ ученыхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что изъ сопоставленія фактовъ, полученныхъ по этому вопросу у самыхъ различныхъ между собою народовъ, выдѣлился бы большой запасъ общихъ идей, которыя позволили бы сдѣлать изъ *сравнительнаго разговора* настоящую науку, немного уступающую сравнительной религіи, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря политической экономіи.

Но само собой разумѣется, что я не могъ претендовать на то, чтобы набросать планъ подобной науки на нѣсколькихъ страницахъ. За отсутствіемъ свѣдѣній, достаточныхъ хотя бы для самаго эскизнаго наброска, я могъ указать только ея будущее мѣсто, и я былъ бы счастливъ, если бы, высказавъ сожалѣніе объ ея отсутствіи, я возбудилъ въ какомъ-нибудь молодомъ изслѣдователѣ стремленіе заполнить этотъ важный пробѣлъ.

Г. Тардъ.

ПУБЛИКА и ТОЛПА.

I

Толпа не только привлекаетъ и неотразимо зоветъ къ себѣ того, кто видитъ ее; самое ея имя заключаетъ въ себѣ что-то аманчивое и обаятельное для современнаго читателя, и нѣкоторые писатели склонны обозначать этимъ неопредѣленнымъ словомъ всевозможныя группировки людей. Слѣдуетъ устранить эту неясность и особенно не смѣшивать съ толпой *публику*, слово, которое опять-таки можно понимать различно, о которомъ я постараюсь точно опредѣлить. Говорятъ: публика какого-нибудь театра; публика какого-либо собранія; дѣсь слово публика обозначаетъ толпу. Но этотъ смыслъ помянутаго слова не единственный и не главный, и въ то время какъ онъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе или се остается неизмѣннымъ, новая эпоха съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія создала совершенно особый родъ публики, которая все растетъ и безконечное распространеніе которой является одной изъ характеристикѣйшихъ чертъ нашего времени. Психологія толпы уже выяснена; остается выяснить психологію публики, взятой въ этомъ особомъ смыслѣ слова, т. е., какъ чисто духовную совокупность, какъ группу индивидуумовъ, физически раздѣленныхъ и соединенныхъ чисто умственной связью. Откуда происходитъ публика, какъ она заро-

ждается, какъ развивается, ея измѣненія, ея отношеніе къ своимъ главарямъ, ея отношеніе къ толпѣ, къ корпораціямъ, къ государствамъ, ея могущество въ хорошемъ или въ дурномъ и ея способъ чувствовать или дѣйствовать—вотъ что будетъ служить предметомъ изслѣдованія въ настоящемъ этюдѣ.

Въ самыхъ низшихъ животныхъ обществахъ ассоціація состоитъ по преимуществу въ матеріальномъ соединеніи. Помѣръ того, какъ мы поднимаемся вверхъ по дереву жизни, социальныя отношенія становятся болѣе духовными. Но если отдѣльные индивидуумы удаляются другъ отъ друга настолько, что не могутъ уже болѣе встрѣтиться, или же остаются въ такомъ отдаленіи другъ отъ друга дольше извѣстнаго, весьма короткаго промежутка времени, они перестаютъ составлять ассоціацію. Такимъ образомъ толпа въ этомъ смыслѣ представляетъ собою до нѣкоторой степени явленіе изъ царства животныхъ. Не является ли она рядомъ психическихъ воздѣйствій, въ сущности проистекающихъ изъ физическихъ столкновеній? Но не всякое общеніе одного ума съ другимъ, одной души съ другою обусловлено необходимой близостью тѣла.

Это условіе совсѣмъ отсутствуетъ, когда обозначаются въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ такъ называемыя *общественныя теченія*. Не на сходкахъ, которыя происходятъ на улицахъ или площадяхъ, рождаются и разливаются эти социальныя рѣки ¹, эти огромные потоки, которые приступомъ

¹ Замѣтимъ, что эти *гидравлическія* сравненія естественно напрашиваются всякій разъ, когда заходитъ рѣчь какъ о толпѣ, такъ и о публикѣ. Въ этомъ заключается ихъ сходство. Толпа, движущаяся вечеромъ во время публичнаго праздника, медленностью своего теченія и многочисленностью водоворотовъ напоминаетъ рѣку, текущую безопредѣленнаго русла, такъ какъ меньше всего можно сравнить съ организмомъ толпу, если не считать публики.—Это потоки воды, жизнь которыхъ не опредѣлена въ точности.

захватываютъ теперь самыя стойкія сердца, самыя способные къ сопротивленію умы и заставляютъ парламенты и правительства приносить имъ въ жертву законы и декреты. И странно, тѣ люди, которые увлекаются такимъ образомъ, которые взаимно возбуждаютъ другъ друга, или же, скорѣй, передаютъ одинъ другому внушеніе, идущее сверху, эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышатъ другъ друга; они разсѣяны по обширной территоріи, сидятъ у себя по домамъ, читая одну и ту же газету. Какая же связь существуетъ между ними? Эта связь состоитъ въ одновременности ихъ убѣжденія или увлеченія, въ сознаніи, проникающемъ каждого, что эта идея или это желаніе раздѣляется въ данный моментъ огромнымъ количествомъ другихъ людей. Достаточно человѣку знать это, даже не види этихъ другихъ людей, и на него вліяетъ вся ихъ совокупная масса, а не только одинъ журналистъ, общій вдохновитель, самъ невидимый и невѣдомый и тѣмъ болѣе неотразимый.

Читатель вообще не сознаетъ, что подвергается настоящему, почти неотразимому вліянію той газеты, которую онъ обыкновенно читаетъ. Журналистъ же скорѣе сознаетъ свою угодливость по отношенію къ публикѣ, никогда не забывая ея природы и вкусовъ. У читателя даже еще меньше сознанія: онъ абсолютно не догадывается о томъ вліяніи, какое оказываетъ на него масса другихъ читателей. Но оно тѣмъ не менѣе неоспоримо. Оно отражается на степени его интереса, который становится живѣе, если читатель знаетъ или думаетъ, что этотъ интересъ раздѣляется болѣе многочисленная или болѣе избранная публика; оно отражается и на его сужденіи, которое стремится приспособиться къ сужденіемъ большинства или же избранныхъ, смотря по обстоятельствамъ. Я развертываю газету, которую я считаю сегодняшней, и съ жадностью читаю въ ней разныя новости; потомъ вдругъ я замѣчаю, что она помѣнена числомъ отъ прошлаго мѣсяца или вчерашнимъ, и она

тотчасъ же перестаетъ меня интересовать. Откуда происходитъ это внезапное охлажденіе? Развѣ факты, сообщенные тамъ, стали менѣе интересны по существу? Нѣтъ, но у насъ является мысль, что мы одни читаемъ ихъ, и этого достаточно. Это доказываетъ, что живость нашего интереса поддерживалась бессознательной иллюзіей общности нашего чувства съ чувствами массы другихъ людей. Номеръ газеты, вышедшій наканунѣ или два дня тому назадъ, по сравненію съ сегодняшнимъ есть тоже, что рѣчь, прочитанная у себя дома по сравненію съ рѣчью прослушанной среди многочисленной толпы.

Когда мы бессознательно подвергаемся этому невидимому влиянію со стороны публики, часть которой мы сами составляемъ, мы склонны объяснить это просто обаяніемъ *злободневности*. Если насъ интересуется самый послѣдній номеръ газеты, это происходитъ будто бы отъ того, что онъ сообщаетъ намъ злободневные факты и будто бы при чтеніи насъ увлекаетъ самая ихъ близость къ намъ, а отнюдь не то, что ихъ одновременно съ нами узнаютъ и другіе. Но проанализируемъ хорошенько это столь странное *впечатлѣніе злободневности*, возрастающая сила котораго является одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ цивилизованной жизни. Развѣ „злободневымъ“ считается исключительно то, что только что случилось? Нѣтъ, злободневымъ является все, что въ данный моментъ возбуждаетъ всеобщій интересъ, хотя бы это былъ давно прошедшій фактъ. Въ послѣдніе годы было „злободневно“ все, что касается Наполеона; злободневно все то, что въ модѣ. И не „злободневно“ все то, что вопли ново, но не останавливаетъ на себѣ вниманія публики, занятой чѣмъ-либо другимъ. Во все время, пока тянулось дѣло Дрейфуса, въ Африкѣ или въ Азіи происходили событія, весьма способныя возбудить нашъ интересъ, но въ нихъ не находили ничего злободневнаго, словомъ, страсть къ злободневности растетъ вмѣстѣ съ обществен-

ностью и она есть не что иное какъ одно изъ самыхъ поразительныхъ ея проявленій; а такъ какъ періодическая, въ особенности же ежедневная пресса по самому свойству своему говорить о самыхъ злободневныхъ предметахъ, то не слѣдуетъ удивляться при видѣ того, какъ между обычными читателями одной и той же газеты завязывается и укрѣпляется нѣчто въ родѣ ассоціаціи, которую слишкомъ мало замѣчаютъ, но которая принадлежитъ къ числу чрезвычайно важныхъ.

Разумѣется, чтобы для индивидуумовъ, составляющихъ одну и ту же публику это *внушеніе на разстояніи* сдѣлалось возможнымъ, нужно, чтобы они привыкали, подъ вліяніемъ интенсивной общественной жизни, жизни городской, къ *внушенію на близкомъ разстояніи*. Мы въ дѣтствѣ, въ юношескомъ возрастѣ начинаемъ съ того, что чувствуемъ *вліяніе взгляда другихъ*, которое безсознательно выражается у насъ въ нашихъ позахъ, въ жестахъ, въ измѣненіе хода нашихъ идей, въ беспорядочности или чрезмѣрной возбужденности нашихъ рѣчей, въ нашихъ сужденіяхъ, въ нашихъ поступкахъ. И только послѣ того какъ мы цѣлыми годами подвергались и подвергали другихъ этому внушающему дѣйствию взгляда, мы становимся способны къ *внушенію даже посредствомъ мысли о взглядѣ другаго*, посредствомъ идеи, что мы составляемъ предметъ вниманія для личностей удаленныхъ отъ насъ. Равнымъ образомъ лишь, послѣ того, какъ мы долгое время испытывали на себѣ и практиковали сами могущественное вліяніе догматическаго и авторитетнаго голоса, слышаннаго вблизи, намъ достаточно прочесть какое-нибудь энергическое утвержденіе для того, чтобы подчиниться ему, и просто самое сознаніе солидарности большого числа подобныхъ намъ съ этимъ сужденіемъ располагаетъ насъ судить въ одинаковомъ съ нимъ смыслѣ. Слѣдовательно образованіе публики предполагаетъ духовную и общественную эволюцію, значительно болѣе подвинувшуюся впередъ, нежели образованіе толпы. То чисто идеальное внушеніе, то зараженіе безъ соприкосновенія,

которыя предполагаетъ эта чисто абстрактная и тѣмъ не менѣе столь реальная группировка, эта одухотворенная толпа, поднятая, такъ сказать, на вторую степень сила, не могло зародиться ранѣе, какъ по прошествіи цѣлаго ряда вѣковъ соціальной жизни болѣе грубой, болѣе элементарной.

II

Ни на латинскомъ, ни на греческомъ языкахъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *публика*. Есть слова, обозначающія народъ, собраніе гражданъ вооруженныхъ или невооруженныхъ, избирательный корпусъ, всѣ разновидности толпы. Но какому писателю древности могло прійти на умъ говорить о своей публикѣ? Всѣ они не знали ничего, кромѣ *своей аудиторіи*, въ залахъ, нанимаемыхъ для публичныхъ чтеній, гдѣ поэты, современники Плинія Младшаго, собирали немногочисленную, сочувственную толпу. Что же касается тѣхъ немногочисленныхъ читателей манускриптовъ, переписанныхъ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, то они не могли сознавать, что составляютъ общественный агрегатъ, который, составляютъ теперь читатели одной и той же газеты и даже иногда одного и того же моднаго романа. Была ли публика въ средніе вѣка? Нѣтъ, но въ эти времена были ярмарки, паломничества, безпорядочныя скопища, охваченныя благочестивыми или воинственными чувствами, гнѣвомъ или паникой. Возникновеніе публики стало возможнымъ не раньше начала широкаго распространенія книгопечатанія въ XVI в. Передача силы на разстояніи—ничто по сравненію съ передачей мысли на разстояніи. Не есть-ли мысль соціальная сила по преимуществу? Вспомните *idées-forces* Фюлье. Когда Библия была въ первый разъ издана въ милліонахъ экземпляровъ, то обнаружилось въ высшей степени новое и богатое неисчислимыми послѣдствіями явленіе, а именно благодаря ежедневному и одновременному чтенію одной

и той же книги, т. е. Библии, соединенная масса ее читателей почувствовала, что составляет новое социальное тѣло, отдѣленное отъ церкви. Но эта нарождающаяся публика сама еще была только отдѣльной церковью, съ которой она смѣшивалась; слабость протестантизма и заключается въ томъ, что онъ былъ одновременно публикой и церковью, два агрегата, управляемые различными принципами и по самому существу своему непримиримые. Публика, какъ таковая, выдѣлилась болѣе ясно только при Людовикѣ XIV. Но и въ эту эпоху, если и были толпы, не менѣе стремительныя, нежели теперь, и не менѣе значительныя, при коронованіяхъ монарховъ, на большихъ празднествахъ, при бунтахъ, возникавшихъ вслѣдствіе періодическихъ голодовокъ, то публика составлялась изъ незначительнаго количества избранныхъ „*honnêtes gens*“, которые читали свой ежемѣсячный журналъ, въ особенности же книги, небольшое количество книгъ, написанныхъ для небольшого количества читателей. И кромѣ того эти читатели были по большей части сгруппированы, если не при дворѣ, то вообще въ Парижѣ.

Въ XVIII в. эта публика быстро растетъ и раздробляется. Я не думаю, чтобы до Бейля существовала философская публика, которая отличалась бы отъ большой литературной публики или начала отъ нея отдѣляться; я не могу назвать публикой группу ученыхъ, хотя они и были объединены, несмотря на свою разбросанность по различнымъ провинціямъ и государствамъ, однородными изысканіями и чтеніемъ однихъ сочиненій; эта группа была такъ малочисленна, что они всѣ поддерживали между собой письменныя сношенія и почерпали въ этихъ личныхъ сношеніяхъ главную пищу для своего научнаго общенія. Публика въ спеціальному смыслѣ начинается обрисовываться съ того, трудно поддающагося точному опредѣленію, момента, когда люди, преданные одной и той же наукѣ, стали слишкомъ многочисленны для того, чтобы лично сноситься другъ съ другомъ, и могли почувствовать завязы-

вающіяся между ними узы солидарности только при помощи достаточно частыхъ и регулярныхъ сношеній, не имѣющихъ личнаго характера. Во второй половинѣ XVIII в. зарождается политическая публика, растетъ, и вскорѣ, разлившись, поглощаетъ, какъ рѣка свои притоки, всѣ другіе виды публики—литературную, философскую, научную. Однако, до революціи жизнь публики была мало интенсивна сама по себѣ и получаетъ значеніе только благодаря жизни толпы, съ которой она еще связана вслѣдствіе необыкновеннаго оживленія салоновъ и кафѣ.

Революція можетъ считаться датой настоящаго водворенія журнализма и слѣдовательно публики; революція — моментъ лихорадочнаго роста публики. Это не значитъ, что революція не возбуждала толпы, но въ этомъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ междоусобицъ войнъ въ XIV, въ XVI вѣкѣ, даже въ эпоху Фронды. Толпы фрондеровъ, толпы приверженцевъ Лиги, толпы приверженцевъ Кабоша—были не менѣе страшны и, можетъ-быть, не менѣе многочисленны, чѣмъ толпы 14 іюля и 10 августа; толпа не можетъ возрасти выше извѣстнаго предѣла, положеннаго свойствами слуха и зрѣнія, не раздробившись тотчасъ же и не утративъ способности къ совмѣстному дѣйствію; впрочемъ, дѣйствія эти всегда одинаковы; это—сооруженіе баррикадъ, разграбленіе дворцовъ, убійства, разрушеніе, пожары. Нѣтъ ничего болѣе однообразнаго, какъ эти, повторяющіяся въ теченіе вѣковъ, проявленія ея дѣятельности. Но 1789 г. характеризуется явленіемъ, котораго не знали предыдущія эпохи, именно—огромнымъ распространеніемъ газетъ, пожираемыхъ съ жадностью. Если нѣкоторыя изъ нихъ и были мертворожденными, то зато другія представляютъ собою картину безпримѣрнаго распространенія. Каждый изъ этихъ великихъ и ненавистныхъ публицистовъ ¹, Маратъ, Демуланъ, отецъ Дю-

¹ „Слово публицистъ,—говоритъ Литтре,—появляется въ Академическомъ Словарѣ только начиная съ 1762 г.“ и фигурируетъ тамъ,